

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

2

КРЫСИНЫЕ БЕГА

Книга вторая из цикла «Осколки последней войны»

16+

Сергей Михайлов
Крысиные бега

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Михайлов С.

Крысиные бега / С. Михайлов — «ЛитРес: Самиздат», 2006

«Крысиные бега» – вторая часть цикла «Осколки последней войны». Зима 2006 года. В руки Ивана Рукавицына случайно попадают секретные документы государственной важности. Его задача – передать их видному чеченскому политическому деятелю. Этого требуют интересы государства. Следуя указаниям неведомого проводника, Иван едет в Чечню. Его сопровождает Олег Киселёв, сослуживец по Чечне, ныне сотрудник ФСБ. Снова на пути Ивана возникает бывший полковник Пастухов. За документами начинается настоящая охота, как со стороны криминальных структур, так и со стороны западных спецслужб. Удастся ли ему выполнить свою миссию и утереть нос вражеским агентам?

Содержание

1.	5
2.	10
3.	12
4.	14
5.	17
6.	20
7.	23
8.	26
9.	29
10.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

1.

Начало второй декады января выдалось не то что тёплым, а прямо-таки весенним. Столбик термометра вот уже который день не опускался ниже плюс пяти, и даже по ночам температура стояла выше нуля. Снег в городе почти весь стаял, а лужи успели высохнуть. Привыкший за последние годы к подобным сюрпризам январской погоды, я тем не менее чувствовал какую-то ирреальность происходящего, своего рода раздвоение ощущений и реальности, погоды и календаря. Однако синоптики уже со следующей недели обещали резкое похолодание – аж до минус двадцати пяти, а то и ниже.

Я катил на своей старенькой «семёрке» по вечерней Москве, направляясь домой по своему обычному ежедневному маршруту. Несмотря на час пик, пробок на дорогах не было: по-видимому, после затяжных новогодних праздников народ втягивался в повседневную трудовую рутину постепенно, не сразу, ото дня ко дню всё более пополняя армию работающего люда построждественской столицы.

Раньше, возвращаясь с работы, я никогда не лишал себя возможности подхалтурить. В худшем случае час потеряешь, подвозя случайного пассажира куда-нибудь к чёрту на кулички, зато выручка от извоза зачастую превышала доход от основной моей работы. Денег-то ведь всегда не хватает. Как любил поговаривать один из моих армейских друзей, ещё по Чечне, в жизни обычно не хватает трёх вещей: денег, времени и патронов. Очень мудрая мысль, по моему...

Как-то раз два обколотых бритоголовых ублюдка, которых я сдуру согласился подвезти, попытались было выкинуть меня из машины. Мне пришлось уложить обоих голубчиков на асфальт, предварительно приведя в бесчувственное состояние. С тех пор на извозе я поставил жирный крест. Лучше быть бедным и живым, чем богатым и совсем-совсем мёртвым.

Итак, в этот день я, как обычно, катил с работы на своей старушке и мыслями давно уже был дома, вместе с женой и сыном. До дома было ещё минут двадцать, и чтобы как-то приблизить момент встречи с моими близкими, я вынул мобильник и набрал домашний номер.

– Верунчик, привет. Как вы там? Как Васька?

– Да всё нормально, Ванюша. Ты скоро домой?

– Уже скоро, минут через двадцать... Извини, тут какой-то мужик на проезжую часть рванул, прямо под колёса лезет, урод. Пьяный, наверное. Всё, пока. Жди, скоро буду...

Я дал отбой, отбросил трубку на сидение и резко затормозил. Действительно, какой-то тип выскочил на шоссе прямо перед моим носом и махнул рукой, приказывая остановиться. Это был именно приказ, а не обычная просьба, сопровождаемая, как правило, словами «Шеф, не подбросишь до..?» И шеф решал, подбросить клиента до указанного пункта назначения или попросту отшить.

Здесь мне решать ничего не пришлось – здесь всё решили за меня. Незнакомый распахнул дверцу моего авто и решительно уселся на соседнее сидение. В руках он сжимал что-то вроде папки. Красного цвета.

– Гони! – последовал следующий приказ.

– Не понял?

– Гони, говорю! – рявкнул незнакомец и обжёг меня таким взглядом, что я понял: я опять вляпался в какую-то нехорошую историю. – Жми на всю катушку!

– Да с какой это стати... – попытался было возмутиться я.

– Гони!!!

В голосе его явно звучала угроза. Ладно, думаю, не будем нарываться. В конце концов, может, у него жена рожает – как знать? Или ещё что-нибудь эдакое, семейно-значимое, безотлагательное...

Он торопливо оглянулся назад, выругался, снова повернулся ко мне и заорал чуть ли не в самое лицо:

– Быстрее же, ну!!!

Его возбуждение передалось и мне, а вместе с возбуждением пришло и чувство опасности. Я вжал педаль газа в пол, моя старушка вздрогнула и рванула вперёд.

– Куда?

И тут позади нас раздались выстрелы. Что-то звякнуло о корпус машины. Такой звук я слышал, когда полтора года назад попал под сильный град.

– Вот чёрт! Это что ещё за хрень такая!

– Потом объясню. Сможешь от них оторваться?

– На этой-то колыхаге? – криво усмехнулся я. – Что ж, попробую, деваться всё равно некуда. С подводной-то лодки.

У меня на хвосте повис серьёзный джип, который возник буквально из ниоткуда. На своей тарантайке оторваться от него у меня шансов не было никаких. По крайней мере, по прямой. А вот если покрутиться в узких переулочках, попробовать запутать, сбить с толку...

Это был выход. Эфемерный, призрачный, но всё-таки выход. Я сейчас плохо соображал, где нахожусь. Для меня сейчас важно было уйти с шоссе, из-под прямого обстрела, который вёлся почти в упор. А палили в меня не из игрушечного «макарова», а из взрослого «калаша». Чудо, что мы вообще ещё двигались: из моей старушки давно уже сделали решето.

Я услышал, как осыпалось сзади ветровое стекло. Я машинально пригнулся, прильнул к рулю. Вот попал так попал! Что ж мне так везёт на всякое дерьмо!..

Краем глаза я видел, как по сторонам трассы по обоим тротуарам в панике метались случайные прохожие, спасаясь от шальных пуль в подъездах магазинов или прячась за многочисленными торговыми павильонами. Кто-то визжал, кто-то громко матерился. И, как обычно, никакого намёка на присутствие милиции. Режь, громи, убивай, насилуй – этих архаровцев днём с огнём не сыщешь, но как только всё схлынет, как опасность минует, вот тогда их тут целая армия набегит. «Безумству храбрых поём мы песню» – с точностью до наоборот.

Ага, вот и поворот! Я резко крутанул баранку вправо и влетел в тихую улочку, ловко лавируя между припаркованными вдоль обочин автомобилями. Мой манёвр позволил нам выиграть метров тридцать-сорок.

– Давай, друг, жми, – торопил меня мой пассажир, то и дело оглядываясь на наших преследователей, – ты должен от них оторваться, понимаешь, должен.

– А ты мне ничего не должен, а?

– Да расплачусь я с тобой, сполна.

– А мне твои бабки на хрен не нужны. Ты мне лучше объясни, как всё это понимать. Силой влезаешь ко мне в тачку и вынуждаешь удирать от каких-то бандюков. Это вообще как, нормально?

– Это не нормально, – он сделал ударение на частице «не». – Но если ты сейчас меня выручишь, то сделаешь великое дело.

– Да мне до этих твоих великих дел как до лампы. Хватит, навоевался. И Афган, и Чечня эта грёбаная – всё было. Довольно. Вот где у меня всё это сидит, понял?

– Чечня, говоришь? Девяносто пятый?

Что-то в его голосе изменилось. Интерес, что ли, к моей персоне проснулся? Я на короткое мгновение скользнул по нему взглядом и снова уставился в серую ленту асфальта.

– Да кто ты такой, чёрт тебя побери?!

– Майор ФСБ Куценко.

Я присвистнул.

– Опа-на! И от кого это ты, майор Куценко, бежишь?

– От плохих парней.

– А ты, значит, хороший.

– Я – хороший.

– А если у них на этот счёт другое мнение? В смысле, кто хороший, а кто плохой?

– Вот у них и спроси, умник.

– Ага, вот только тачку на приколы поставлю...

Я совершил какой-то невообразимый вираж, ловко втиснулся в кривой переулок, пролетел его весь, чиркнув правым бортом по фонарному столбу, потом влетел в тёмную арку, миновал проходной двор, ещё один – и снова выскочил на широкий простор проспекта. В первое мгновение я решил было, что сумел оторваться от преследования, однако торжествовал я рано: в зеркале заднего обзора вскоре вновь замаячил чёрный силуэт джипа, который не преминул напомнить о себе автоматной очередью.

Я выругался.

– И откуда ты только свалился на мою голову, а, майор?! – в сердцах выкрикнул я, зло зыркнув в его сторону. – Ехал себе, никого не трогал, домой, к жене, к сыну – а тут ты нарисовался, да ещё с целой оравой дружков, которым ты, как я посмотрю, чем-то сильно насолил.

– Извини, друг, так вышло.

– Ага, взяло и вышло, а ты тут как бы и не при делах. Просто мимо шёл.

Мне нужно было сорвать на ком-нибудь накопившуюся злость, выплеснуть её на чью-то голову, потому я и нёс всякую чушь, плохо контролируя, что слетает с моего языка.

Консервная банка, за рулём которой я сидел, каким-то чудом продолжала ещё двигаться, хотя по всем законам механики и здравого смысла эта груда металлолома давно уже должна была рассыпаться в прах. В любом случае, это её последняя поездка. Всё, откаталась.

Как бы эта поездка не оказалась последней для меня. Мне-то помирать пока ещё рано.

– Держись, майор! Мы ещё повоюем! – заорал я с непонятно откуда взявшимся задором.

Я выбрал момент и снова нырнул с главной трассы в какой-то проулок. А потом минут десять гонял по тёмным извилистым улочкам, подворотням и проходным дворам.

Хватит, конец пути. Я резко дал по тормозам.

– Всё, майор, приехали.

Быстро окинул взглядом окрестности. Справа высилась коробка трёхэтажного заброшенного дома с пустыми глазницами окон, слева зияла пропасть котлована – след когда-то начатой да так и не завершённой стройки, а впереди смутно маячила группа голых деревьев. И жуткая темень вокруг, хоть глаз коли. Фонари все побиты, свет из окон жилых домов сюда не доходит. Как раз то, что надо. И что очень важно, вокруг ни души.

– Слышь, майор, приехали. Кажется, оторвались.

Он не отвечал. Холодок тревоги пополз мне куда-то под куртку.

– Майор, ты в порядке?

Я чиркнул зажигалкой и поднёс огонёк к самому лицу моего пассажира.

Он был неподвижен, глаза закрыты, голова свесилась набок. Никаких признаков жизни. Вот чёрт! Они всё-таки достали его. В самый последний момент, как раз когда мне удалось оторваться от них. Что ж, не повезло бедняге. Увы. И хотя он был причиной всех моих бед в этот вечер, мне было искренне его жаль. По крайней мере, сейчас мне лучше, чем ему. Я как-никак жив, а вот он... Покойся с миром, майор ФСБ Купенко.

Его безжизненные руки продолжали сжимать красную папку. Я попытался аккуратно вытащить её, но безуспешно: его хватка оказалась железной. Я перестал церемониться и потянул сильнее. И тут...

Майор шевельнулся и застонал. Я невольно отпрянул назад.

– Жив! – осенило меня.

Я снова чиркнул зажигалкой – и в слабом отблеске крохотного язычка пламени увидел, как блеснули его глаза. Он смотрел на меня.

– Извини, друг, – прошептал он. – Я подставил тебя...

– Помолчи, – я придавал своему голосу побольше строгости. – Я сейчас «скорую» вызову. Ты, главное, потерпи.

– Никакой «скорой», – с неожиданной силой отрезал он. – Поздно... я знаю... и ты знаешь... ты был там, на той войне...

В его словах было больше правды, чем мне хотелось бы признавать. Правды жестокой и неумолимой. Он уходил, жизнь по капле вытекала из его пробитого тела. Я не знал, куда попала пуля (или пули?), но то, что задеты жизненно важные органы, было ясно даже дилетанту. А я дилетантом не был, и смерть повидать пришлось в самых разных её личинах.

– Как... звать тебя, друг? – прошептал он, тяжело дыша.

– Иван.

С неожиданной силой майор вцепился мне в куртку и притянул вплотную к себе – так, что я ощутил его горячее прерывистое дыхание у себя на лице. Он заговорил торопливо и сбивчиво:

– Послушай, Ваня... мне некого больше просить... а ты наш, я это сразу понял... Доведи начатое до конца, помоги сделать то, что я не успел... Это очень, очень важно, понимаешь?..

Интересно, на что это он меня подписывает?

– Говори, майор, не тяни резину. Сделаю всё, что в моих силах.

И кто меня, дурака, за язык тянет?

– Вот эти документы, – судорожным кивком он указал на красную папку, которую прижимал к груди, – необходимо передать одному человеку. Лично в руки... никто другой... ни при каких обстоятельствах их получить не должен. Дело государственной важности... на карту поставлены государственные интересы... интересы страны... Ты слышишь меня, Иван?..

– Слышу, майор.

Слышу и одновременно чувствую, что вязну в этой трясине всё больше и больше. Но отступать было уже поздно. Последняя воля умирающего – закон.

– Найди его и передай папку. Этому человеку можно верить.

– Кто он? Кому я должен всё это передать? Имя?

– Я не могу... назвать тебе его имя...

– Да как же я его найду!

«Пойди туда, не знаю куда»! Так, кажется, это называется. По-моему, майор заговаривается.

– Слушай и запоминай, друг... На Ярославском вокзале, в камере хранения, – он назвал номер ячейки и код, потребовал повторить, – оставишь вот этот спичечный коробок... – он с трудом вынул из кармана обычный коробок с остатками спичек, ничем не примечательный и довольно потрёпанный. – Это условный знак, ничего более. Получив его, они свяжутся с тобой...

– Кто это «они»?

– Друзья... Получишь от них инструкции... действуй строго в соответствии с ними. Они выведут тебя на того человека. И запомни: папку никто не должен видеть... ни один человек на свете... спрячь её понадежнее... до поры, до времени...

Говорить ему было всё труднее и труднее. Я едва улавливал смысл слов, которые срывались с его губ вместе с последними каплями жизни. У меня к горлу подступил комок, который я никак не мог проглотить.

– Крысы... крысы кругом... – горячо зашептал он, схватил мою руку и судорожно её сжал. – Берегись крыс, слышишь!..

По-моему, он начал бредить. Агония. Всё, сейчас будет конец.

– Как звать тебя, майор? – выдавил я из себя, протолкнув слова сквозь комок.

Он долго молчал, потом вдруг сильно закашлялся, изо рта его брызнула кровавая слюна.

– Семён... – прохрипел он через силу. – Семён Егорович...

– Хорошее имя. Русское. И редкое. Семён, да ещё Егорыч... Сейчас таких имён днём с огнём не сыщешь. Слышь, майор? Редкое, говорю, у тебя имя. Да ты не молчи, говори что-нибудь. Я ведь многое ещё хотел у тебя спросить... да вот все вопросы куда-то улетучились.

Я нёс всякую чепуху, лишь бы скоротать минуты (секунды?) ожидания смерти какими-нибудь отвлечёнными шумовыми эффектами. Пустая болтовня – лучший способ добиться таких эффектов.

Майор не отвечал. Я снова чиркнул зажигалкой, осветил его лицо.

Невидящие глаза стеклянно блеснули в дрожащих отблесках пламени зажигалки, на губах майора застыла чуть заметная усмешка. По подбородку на воротник пальто стекала тоненькая струйка крови.

Майор Куценко Семён Егорович умер.

2.

Я сидел в своей раздолбанной машине рядом с трупом фээсбэшника и трясся в сильном ознобе. Нет, не от холода – то была запоздавшая реакция на стресс. Дрожь, сотрясавшая моё тело, разогнала туман в голове, и я вдруг с поразительной отчётливостью понял, в каком дерьме снова оказался. По самые уши.

Во-первых, я только что чудом избежал смерти. В меня стреляли, причём стреляли сильно и много и не попали лишь по чистой случайности. Однако со смертью Куценко охота не закончилась. Охотились не столько за ним, сколько за папкой – это я уже понял. Поскольку же матёрый чекист завещал её мне, объектом охоты автоматически становился я.

А это значит, что мне нужно убираться отсюда, и немедленно.

Во-вторых, я потерял машину. Моя ржавая колымага приняла на себя настоящий шквал огня и тем не менее сумела выстоять в этой неравной схватке. Более того, она смогла уйти от могучего джипа, напичканного бандой вооружённых отморожков. Но ущерб при этом ей был нанесён невосполнимый. В понятие «страховой случай» все эти повреждения ни в коей мере не входили.

А это значит, что мне дешевле будет её бросить, чем ремонтировать.

Прощай, моя старушка! Отслужила ты мне верой и правдой, сколько уж лет – теперь и не вспомнить. Пора и на слом. Что ж, всему приходит конец. Но своей кончиной ты можешь гордиться: смерть в бою всегда почётна. Вот возьму и поставлю тебя на гранитный пьедестал, где-нибудь в укромном уголке нашего двора, подобно тому легендарному вагону на Малой Земле, в котором пробоин теперь вряд ли больше, чем в тебе. И будешь ты восхищать взоры дворовой детворы героическим своим видом. Аминь.

В-третьих, по машине не трудно будет вычислить и её хозяина. Пробить номера для профессионалов – раз плюнуть. Даже если я благополучно доберусь до дома, они найдут меня и там. Вопрос только в одном: как быстро? Очень быстро, решил я, уже сегодня. Окончательно уничтожить свои следы я всё равно не смогу, но усложнить для них задачу – в моих силах.

А это значит, что я должен снять с машины номера и изъять из салона всё, что облегчило бы им поиски владельца. Сутки в этом случае я, глядишь, и выиграл бы.

В-четвёртых, папка. Честно говоря, папка сильно жгла мне руки. Что там внутри, я не знал и совершенно не горел желанием узнать. Меньше знаешь – крепче спишь. Вот только теперь мне крепко спать уже не придётся – по крайней мере, в ближайшее время. Бросить папку я не мог, так как не мог нарушить слово, данное мною покойному Куценко. Я принял эстафету и теперь должен передать её другому. Только кто он, этот другой? Впрочем, это совершенно не важно. У меня есть алгоритм, по которому я должен действовать, и я сделаю то, что им предписано – не столько ради погибшего фээсбэшника, сколько ради собственной безопасности. А также безопасности моих близких – Веры и Васьки. Они теперь тоже под ударом.

А это значит, что я должен срочно вывести их из-под удара. Они должны уехать. Куда? Было только одно место на земле, куда я мог бы с лёгкой совестью отправить близких мне людей и при этом быть уверенным, что там они будут под надёжной защитой, – далёкая сибирская деревушка Куролесово, в которой жил мой старший брат Дмитрий. Уж он-то сумеет защитить их от любой напасти, за это я ручаюсь. Могучий сибиряк, боевой офицер-афганец, профессиональный охотник – это что-нибудь да значит.

В-пятых, снова папка. Чтобы она в себе не содержала, я должен снять с неё копию. Так, для страховки, мало ли что может случиться? Я уже знал, как я это сделаю.

Прокрутив всё это в голове в считанные минуты – медлить было нельзя, джип наверняка шастает где-нибудь в округе, – я приступил к решительным действиям. Первым делом выволок тело Куценко из машины и аккуратно уложил на земле. Я не хотел оставлять его в машине,

хотя объяснить свой порыв вряд ли бы смог. Потом принялся отвинчивать номера. Пришлось изрядно повозиться, благо, в бардачке оказались необходимые инструменты. Когда с номерами было покончено, я выгреб из салона всё, что могло бы идентифицировать владельца автомобиля: какие-то квитанции, документы, записную книжку, пару-тройку журналов, и так далее и тому подобное. Когда и этот этап моего плана был завершён, мне пришла в голову одна шальная мысль, которую я тут же решил реализовать.

Останки моего авто, как я уже говорил, стояли на самом краю котлована, брошенного строителями, по всей видимости, уже много лет назад. Особых усилий для реализации задуманного не требовалось. Я упёрся в мою старушку, поднатужился и, мысленно пожелав ей счастливого полёта, столкнул вниз. Спустя секунду-другую до меня донёсся глухой удар. Я глянул вниз, но из-за темноты ничего не увидел. Да и котлован был глубоким.

Пускай теперь лезут вниз и изучают этот металлолом. Была б у меня возможность, я бы ещё и земличкой её присыпал, бедную мою старушку, мусором каким-нибудь строительным, досками да кирпичами. Хоронить, так с музыкой – тогда бы уж точно её никто не нашёл. Но такой возможности у меня не было. Значит, пускай остаётся так, как есть.

Так, с этим тоже покончено. Теперь следующий этап.

Я оглянулся. Тело майора одиноко покоилось в трёх шагах от меня.

Соседство майора, пусть даже и мёртвого, было для меня сейчас не менее опасным, чем утренняя физкультпробежка по минному полю. На его след, ещё горячий, те отморозки могли напасть вновь – и тогда минное поле показалось бы мне райской лужайкой, на которой беззаботно резвятся дети.

Прощай, майор Куценко. Извини, что оставляю здесь тебя одного. Живым нужно думать о живых, а ты уж как-нибудь позаботься о себе сам. О'кей?

Я подхватил красную папку и поспешил покинуть это зловещее место, на котором закончили свой земной путь чекист Семён Егорович Куценко и моя верная «семёрка».

3.

Я шёл самыми тёмными закоулками, стараясь всё время оставаться в тени и не попадаться на глаза случайным прохожим. Чем меньше людей будут меня сейчас видеть, тем лучше. Свидетель есть свидетель: рано или поздно его можно найти и расколоть. Идеальный вариант в таких случаях – вообще не иметь свидетелей. Поэтому наиболее продвинутые преступники имеют обыкновение их убирать – чтобы спалось спокойней и не мучили по ночам кошмары.

Я переходил из одного двора в другой, не рискуя пока выбираться на «бродвей». Выйти из укрытия я решил как можно дальше от места происшествия. Но прежде чем это сделать, мне предстояло провести одно очень важное мероприятие.

Найти подходящий подъезд мне не составило труда. Это была старая «хрущёвка» о пяти этажах, которыми был усеян весь этот захолустный микрорайон на самой окраине Москвы. Своего рода гетто, в котором о домофонах никто понятия ещё не имел. Поэтому в облюбованный мною парадняк я вошёл беспрепятственно.

Люменов и люксов, которые излучала тусклая подъездная лампочка, хватало ровно настолько, чтобы не спотыкаться на ступеньках и не наткаться на обшарпанные стены, украшенные безвкусными граффити, свастиками и ненормативной похабщиной. Но меня это вполне устраивало. Я поднялся на четвёртый этаж (на пятый подниматься не стал – не хотелось чувствовать себя в тупике; кроме того, там было темно, как у негра в заднице), уселся на ступеньках, убедился, что с улицы меня никто не увидит, и раскрыл папку.

Здесь было примерно листов сорок. Я не стал основательно знакомиться с содержанием каждого из них – времени не было, а лишь вскользь пробежал глазами по документам, которые составляли эту роковую папку. Потом захлопнул её и несколько секунд сидел неподвижно, в оцепенении, закрыв глаза, и чувствовал, как волосы у меня на голове приходят в движение.

Если эту папку опубликовать, обожгло меня внезапной мыслью, то может начаться третья мировая война. А если её продать, где-нибудь на Западе, то вырученных денег хватит на безбедную жизнь нескольких поколений моих потомков.

Содержимое папки имело чеченские корни. Здесь были документы (одни только оригиналы, никаких копий), дискредитирующие многих крупных российских и чеченских политиков, а также целый ряд ведущих зарубежных правительственных чиновников, стоящих на верхних ступенях международной табели о рангах. Этого компромата вполне хватило бы, чтобы произвести смену кабинетов министров в целом ряде западных стран, начать крупные международные судебные процессы и тем самым взорвать сложившееся в мире равновесие. А уж о России и говорить нечего: предание их достоянию гласности привело бы к новой волне смуты, которую страна пережить бы уже не смогла.

Документы носили в основном финансовый характер. Это были договора о поставках крупных партий оружия и военной техники неизвестным (скорее всего подставным) лицам, переводы крупных (очень крупных) денежных средств на счета людей, чьи имена можно ежедневно встретить в программах новостей российского телевидения, номера счетов тех же одиозных фигур в престижных международных банках, с указанием конкретных сумм на каждом счете. Были здесь и стенограммы секретных телефонных переговоров крупных чиновников (не только российских) с руководителями чеченских моджахедов, и целая подборка фотографий компрометирующего характера. И списки, списки, списки... Имена, фамилии, счета, суммы, снова имена, и опять деньги.

Сказать, что папка жгла мне пальцы, было бы ничего не сказать. Папка жгла мне душу. Прожигала в ней большую чёрную дыру, в которую затягивало меня всего целиком. Я внезапно почувствовал на себе бремя огромной ответственности, ответственности за судьбы страны, судьбы мира (да простится мне этот пафос, но именно это я в тот момент и чувствовал).

Если папка попадёт не в те руки, разразится вселенская катастрофа. Эта мысль сразу породила в моей голове вопрос: а должна ли она вообще попасть в чьи-нибудь руки? Я вспомнил предсмертное поручение майора Куценко: он просил передать папку неизвестному человеку, которому безгранично доверял. Наверное, это как раз были те руки. Покойному майору я почему-то верил, интуитивно чувствуя, что он действовал в верном направлении. Поэтому я сделаю то, что обещал отважному чекисту за пять минут до его смерти: передам папку нужному человеку. Но сначала я должен сделать то, зачем пришёл в этот вонючий подъезд, и выполнить часть задуманного ранее плана.

Я вынул мобильный телефон. Этот аппарат я купил совсем недавно, под Новый год (сделал себе такой подарочек), и был безмерно счастлив, когда наконец стал его владельцем. Я давно уже искал аппарат с нужными мне параметрами и набором функций. Компании-производители и торговая сеть, следуя массовому спросу и веяниям моды, предлагали покупателям десятки и сотни моделей навороченных игрушек, но моему взыскательному вкусу удовлетворить не могли. А нужно-то мне было всего ничего: помимо обычного телефона, аппарат должен был содержать приличную цифровую фотокамеру с достойным разрешением и возможность работы с электронной почтой. И чтобы ничего лишнего: никакой там суперполифонии, никаких MP3 и прочих детско-юношеских наворотов. Мне, наконец, повезло, я нашёл именно тот мобильник, который искал. (Во избежание обвинений в рекламе конкретной продукции, называть наименование фирмы-производителя и торговой марки приобретённого мною аппарата я воздержусь).

Итак, я вынул мобильник и в течение получаса скрупулёзно снимал содержимое папки, листок за листком, документ за документом, фото за фото. И тут же оправлял полученные графические файлы по e-мейл на адрес моего домашнего компьютера. Завершив операцию, я очистил память мобильного от последних снимков, вновь собрал бумаги в папку и с чувством выполненного долга покинул гостеприимный парадняк.

Выйди я на десять секунд раньше, не пришлось бы мне писать сейчас эти строки. Едва я спустился на первый этаж и приготовился было толкнуть парадную дверь, чтобы выбраться на свежий воздух, как сквозь грязное дверное стекло в глаза мне ударил сноп яркого света. Я машинально присел и шарахнулся в угол подъездного предбанника. Луч света прошёлся по подъезду, высвечивая его внутренности, и переместился вправо.

Фары! Кто-то обшаривает местность, освещая двор фарами автомобиля. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто это мог быть. Досчитав до пяти, я осторожно выглянул из своего укрытия. Так и есть! Чёрный джип медленно катил по тёмному пустынному двору, освещая светом мощных фар самые дальние его закоулки. Если они обнаружат меня с этой папкой, я пропал.

Вскоре джип скрылся за углом пятиэтажки. Я перевёл дух. Слава Богу, пронесло! Значит, братской могилы (с майором Куценко и моей старушкой «семёркой») они не обнаружили. И в ближайшее время вряд ли обнаружат: судя по траектории их движения, они удалялись от того места. Что ж, выходит, у меня есть приличная фора. Я выбрался наружу и торопливо зашагал в противоположную от джипа сторону.

Вскоре я вышел на оживлённую улицу и смешался с толпой прохожих. Сейчас моей целью было ближайшее метро – и домой. Но до метро я не добрался. Неожиданная мысль внесла существенные коррективы в мои планы. И, как выяснилось, в весь ход дальнейших событий.

Я остановился, порылся в карманах и достал записную книжку. Какое-то время изучал её и наконец нашёл то, что искал.

Олег Киселёв, мой старый армейский товарищ. Он жил в двух кварталах отсюда.

4.

Дверь открыли лишь на третий звонок. Я узнал его сразу, хотя с тех пор, как мы месили дорожную грязь под Аргуном, минуло уже десять лет. Он был на пять лет моложе меня, и тогда, в девяносто пятом, был совсем ещё желторотым юнцом-срочником. Но уже тогда рассудительности и здравого смысла ему было не занимать. Несмотря на разницу в положении – он был сержантом, я – лейтенантом и его командиром, – между нами сложились какие-то особые доверительные отношения. Случалось, я прислушивался к его советам, всегда дельным и толковым, а пару раз его советы спасали меня от опрометчивых поступков, о которых мне потом пришлось бы жалеть. Своего рода, ангел-хранитель.

Он мало изменился с тех пор, только заматерел и окреп, раздался вширь. Да и волос на голове стало поменьше – рано начал лысеть.

– Что-нибудь случилось, лейтенант? – спросил он так, словно мы с ним расстались не десять лет, а десять минут назад.

Я закончил службу старшим лейтенантом, однако звание получил уже после ранения, накануне увольнения из армии. Олег же по службе знал меня лейтенантом.

– Здравствуй, сержант. У меня что, на лице написано, что что-то стряслось?

– Написано. Проходи в хату, лейтенант.

Я шагнул через порог.

Типовая двухкомнатная квартира среднестатистического жителя столицы. Ничего примечательного. Да и обстановка особыми изысками не отличалась. Скорее функциональностью. Таким Олег был и в армии: в любой вещи в первую очередь видел пользу, а уж потом эстетику.

Мы прошли в комнату, посреди которой стоял стол с закусками, несколькими гранёными стаканами и початой бутылкой водки.

– Давай, лейтенант, выпьем за встречу. – Он плеснул водки в стаканы. – Нам есть, что вспомнить.

– Есть, сержант. За армейскую дружбу. За нас с тобой. За то, что живыми вернулись.

Мы выпили, закусили. Живительное тепло тут же разлилось по жилам, сняло стресс.

– Выкладывай, лейтенант, что там у тебя за проблемы.

И я выложил. Всё, как есть. Выбора у меня не было. Мне нужно было кому-то всё рассказать. Киселёв был как раз тот человек, который понял бы меня с полуслова. И которому бы я мог доверять. Нет, это не было просто желание выговориться, облегчить душу, разделить бремя ноши с товарищем. В этом визите у меня была своя корысть. Олег был мне нужен.

Он молча курил и пережёвывал услышанное. Я тоже курил, уже третью. Как не верти, а на душе, действительно, стало легче.

Тут зазвонил мой мобильник. Вера.

– Что случилось, Ванюша? Ты куда пропал?

Я был совершенно не готов отчитываться перед ней.

– Ты, главное, не волнуйся, Верочка. Приеду – всё расскажу. Есть кое-какие проблемы, но это не по телефону. О'кей?

Она какое-то время молчала.

– Ты в порядке? Можешь говорить?

Я улыбнулся.

– Могу, конечно. Со мной всё в полном порядке. Всё, даю отбой. Жди. Скоро буду.

Я сунул мобильник в карман.

– Не уверен, – подал голос Олег.

– Что – не уверен?

– Не уверен, что всё у тебя в порядке, лейтенант.

- Не драматизируй, сержант.
- Ладно, проехали. Это та самая папка?
- Она.
- Ну и что ты от меня хочешь, лейтенант?
- Помощь твоя нужна, Олег. Подержи эту папку у себя, до завтра. Понимаешь, не могу я с ней домой заявиться.
- Что, жена не пустит?
- Нет, не то. Вера-то у меня как раз с пониманием. Тут другое. Не хочу, знаешь ли, иметь её у себя, когда ко мне отморозки те нагрянут. А они нагрянут, это как пить дать.
- Олег кивнул.
- Нагрянут. Будь спок, лейтенант. Уж я-то их знаю.
- Вот и я о том. Ну что, Олег Киселёв, не откажешь своему бывшему командиру?
- Бывших командиров не бывает. – Олег хлопнул ещё один стопарик; я больше не стал. – Не откажу, лейтенант. Папку-то полистать можно будет?
- Так разве ж тебе запретишь, – я рассмеялся. – Листай, но только чтоб ни одна живая душа...
- Не дурак, понимаю. Может, останешься, а, лейтенант? Побазарим, старое вспомним, водочки попьем? Да и безопаснее здесь.
- Я категорически замотал головой.
- Спасибо, сержант, в другой раз. Домой надо: жена, сын. Мало ли что может случиться.
- Он кивнул.
- А вот у меня нет жены. И сына. Ладно, всё это лирика. Давай документы – и адью.
- Я передал ему красную папку и собрался было уже уходить, как в соседней комнате послышался какой-то шум. Я с опаской воззрился на Олега.
- Что это там?
- Он усмехнулся.
- Да это Сашок. Не дрейфь, лейтенант, он тоже из наших. Сто пудов, не проболтается. Знаешь, почему? А потому, что немой.
- Кто такой?
- Я же сказал – из наших. Лучшей рекомендации не бывает. Да вот, кстати, и он сам.
- Я резко обернулся. В дверном проёме стоял молодой пацан лет двадцати двух – двадцати четырёх, коротко стриженный, в тельняшке, с порожней бутылкой из-под пива в руке.
- Проходи, Сашок. Знакомься, это мой командир, лейтенант Иван Рукавицын, вместе «чехов» лупцевали в первую кампанию. А это – Александр Куликов, безвестный герой необъявленной войны. Отличный парень, только непутёвый.
- Мы пожали друг другу руки. Пятерня у него была тёплая, крепкая, мозолистая – хорошая пятерня. Вот только улыбка, которой он сопровождал рукопожатие, показалась мне несколько странной. Какой-то кривой, похожей на нервный тик.
- Садись, Сашок, за стол, – пригласил его Олег. – А я пока лейтенанта провожу.
- Мы вышли в прихожую. Я всё ещё находился во власти сомнений.
- Он... – Я кивнул в сторону комнаты. – Откуда он? Мне...
- Олег прервал меня жестом руки.
- Даю слово, лейтенант, что с этой стороны тебе опасность не грозит. Этому парню можно доверять. А кто он, я тебе после расскажу.
- Ну хорошо, – сдался я. – Только папку ему не давай. Незачем ему знать её содержимое.
- За это не беспокойся, лейтенант. Когда за ней вернёшься?
- Завтра.
- Время? Сам понимаешь, я же не могу тебя весь день ждать. У меня и свои дела есть.
- Я кое-что прикинул в уме.

– Примерно после четырнадцати. Устроит?

– Вполне.

Я посмотрел на него в упор.

– Я на тебя надеюсь, Олег. Не подведи меня.

– Обязательно надо какую-нибудь гадость под занавес сказать, да, лейтенант? – Он улыбнулся. – Да ладно, командир, не бери в голову. Не подведу, будь спок.

– Тогда бывай, сержант Киселёв. И спасибо тебе за поддержку.

5.

Мы сидели с Верой на кухне и молча курили.

– И что же теперь делать? – нарушила тишину жена. – Ты хоть понимаешь, в какую историю влип?

Я кивнул.

– В скверную историю, Вера. В очень скверную.

– Скверная – это ещё мягко сказано. Ты в дерьме по самые уши, уж прости меня за грубость.

– У меня был выбор?

Она помолчала, ткнула докуренный до фильтра бычок в пепельницу.

– Да нет, конечно. Это я так, риторически. Что будем делать?

Я улыбнулся. Это её «будем» вместо «будешь» характеризовало мою верную подругу лучше и точнее всяких там анкет, официальных характеристик и результатов всевозможных тестов. Выслушав мою историю, она тут же приняла часть ноши на свои хрупкие женские плечи и готова была нести её вместе со мной до конца. Причём неважно, будет ли конец счастливым или последним.

– А делать мы будем вот что. – Я забыচারил окуроч вслед за ней. – Я выполняю инструкции покойного чекиста и передаю папку с документами его доверенному лицу, а ты вместе с Васькой на какое-то время уезжаешь.

– Нет-нет, так не пойдёт, – запротестовала она. – Я должна остаться с тобой.

Этого я опасался больше всего. Теперь мне необходимо было использовать всё своё красноречие, чтобы убедить её не усложнять мне и без того трудную задачу.

– Послушай, Вера, я здесь справлюсь один. А ты должна позаботиться о сыне. Я должен быть уверен, что у меня крепкий тыл. А крепким он будет только тогда, когда я буду знать, что вы с Васькой в безопасности. Это та реальная помощь, которую ты мне можешь оказать. Да ты и сама всё прекрасно понимаешь.

Она недовольно засопела и сунула в рот следующую сигарету.

– И где же мы, по-твоему, будем в безопасности?

Так, рассмотрение вопроса перешло уже в другую плоскость. Это уже кое-что.

– Да у Дмитрия, в Куролесово! Там вас ни одна тварь искать не будет. А коли нужно будет, братан сумеет обеспечить вашу неприкосновенность. Вспомни, какие у него орлы в охотничьем хозяйстве работают: не то что белке – комару в глаз из своих винторезов запросто попадут. Даром что ли в Афгане снайперами работали. Уж они-то сумеют за вас постоять!

– Ну хорошо, допустим, – сдала она ещё одну позицию. – А как мне с работой быть? Что я им объясню? Что за моим непутёвым мужем какие-то бандиты охотятся и мне необходимо скрыться, чтобы заодно под раздачу не попасть?

– Больничный возьмишь, и ничего никому объяснять не придётся.

– Кто мне его даст, этот больничный? Я здорова, как... как... Да на мне...

– ...пахать можно, – улыбнулся я.

– Вот именно! А ты меня в Сибирь упрятать хочешь, да ещё зимой. Не стыдно?

– Очень стыдно! – ещё шире улыбнулся я. – Надеюсь, ты не лишишь меня возможности сполна испытать чувство стыда? Может быть, даже сгореть от него?

– Как же, сгоришь ты, – проворчала она, пустив мне в лицо струю дыма, – от тебя дождётся.

Но не выдержала и тоже улыбнулась. Всё, сдалась!

– Больничный я тебе устрою, не волнуйся, – поторопился я закрепить успех. – У меня врачиха знакомая в поликлинике, с юных лет меня знает. Я её попрошу, она не откажет.

– Когда ехать?

– Завтра. Думаю, на ночь глядя пороть горячку не стоит. Так быстро они меня не вычислят.

Она покачала головой.

– Тревожно мне как-то, Ваня. Может быть, моим сообщим? – Она работала в архиве МВД и под «моими» подразумевала своё эмвэдэшное начальство. – Подстрахуют, а?

– Ни в коем случае, – категорически отрезал я. – Это епархия ФСБ, ваших туда не допустят. Сама знаешь, чекисты очень ревниво оберегают свою территорию. Как собаки – сначала пометят, а потом стерегут, чтобы чужие не ходили.

Мы ещё обсудили кое-какие детали наших дальнейших действий, потом Вера пошла собирать вещи на завтра. А я сел за компьютер: нужно было сделать ещё одно важное дело. Полчаса спустя я закончил работу, вынул из CD-ROMа свежезаписанную болванку, аккуратно упаковал её и сунул в карман пиджака. Пригодится.

Утром я позвонил шефу в редакцию нашей газеты, где я работал фоторепортёром, и попросил отпуск на неделю за свой счёт. Он поскрипел зубами, но в конце концов согласился: я был у него на хорошем счету. Это была небольшая, но серьёзная газета, читателями которой в основном были люди бизнеса. Попал я в неё около трёх месяцев назад, после того, как прежняя газета, в которой я работал до этого, перестала существовать. В буквальном смысле: редакция сгорела, главный редактор был убит. Но это уже совсем другая история.

Итак, добро от шефа я получил. Теперь надо было решать вопрос с Верой. Сбегал в магазин, купил шикарную коробку конфет, отнёс её той самой врачихе в поликлинику (благо, в этот день она работала в утреннюю смену) и вернулся домой с больничным для моей верной боевой подруги. А Вера тем временем сообщила на работу, что где-то умудрилась подхватить сильнейшую простуду и теперь лежа лежит в постели с высокой температурой, облепленная полудюжиной компрессов. Там тоже поскрипели зубами, но «пилюлю» проглотили. А куда деваться?

Не теряя времени даром, я слетал на вокзал и купил два билета до Куролесово, один взрослый и один детский. Проблем с билетами, ясное дело, не возникло: в это время года желающих прокатиться в Сибирь явно не хватало.

До отхода поезда времени было более чем достаточно. Воспользовавшись моментом, я решил приступить к поручению Куценко немедленно. От Центральных железнодорожных касс до Ярославского вокзала было рукой подать. Вряд ли вчерашние архаровцы успели выйти на мой след, поэтому хвоста за собой я не опасался. Этим важным обстоятельством я и решил воспользоваться. Спустился в подвальный этаж, в камеры хранения, и долго плутал, пока не нашёл нужную ячейку. Ага, вот она!

Открыл я её не сразу. Нет, код я не забыл, просто ощутил вдруг сильный озноб, который прошил меня с головы до пят. Торжественность момента требовала почтительной паузы. Ведь открывая металлическую дверцу этой ячейки, я оказываюсь ещё более втянутым в опасную игру, правил которой мне никто не объяснил. Но отступать было уже поздно.

Я набрал нужный код и открыл ячейку. Ничего не произошло. (В глубине души я опасался, что сработает взрывное устройство). Ниша была пустой, если не считать мобильного телефона. Он сиротливо лежал в самом центре ячейки и словно призывал, как в старой доброй сказке про Алису: «Возьми меня!» Я осторожно протянул руку, всё ещё опасаясь подвоха. А потом подумал: была не была! семь бед – один ответ, всё равно ведь не узнаешь, когда тебе руку оторвёт или башку снесёт. Схватил аппарат, невольно зажмурился. Ничего, всё тихо. Ладно, значит, не сейчас.

Мобильник как мобильник. Старенький «Сименс» без новомодных наворотов (даже фотокамеры нет! древность эпохи неолита). Зачем он здесь? А затем, осенило меня, что через него они свяжутся со мной. После того, как я подам им условный сигнал: мол, папка у меня,

приходите и забирайте. Сигналом же служил тот самый спичечный коробок, который оставил мне Куценко.

Его-то я и положил в ячейку, взамен мобильного, а аппарат сунул в карман. Аккуратно закрыл дверцу, подёргал, надёжно ли, а потом приступил к следующему этапу операции.

Проверил соседнюю ячейку – оказалась пуста. Великолепно. Достал из кармана компакт-диск, записанный накануне, и положил его в эту – соседнюю – ячейку. Закрыл дверцу, набрал код (дата рождения, прочитанная с конца – очень легко запоминается) и с облегчением вздохнул.

Всё! Два важных дела с плеч долой. Теперь – домой: там Вера с Васькой ждут, готовые к отъезду в далёкую сибирскую глушь. У меня вдруг защемило сердце: всё бы на свете отдал, чтобы они сейчас не уезжали. Но выбора у меня не было.

Какое-то шестое чувство подсказывало мне, что хвоста за мной до сих пор нет. Профессиональные ищейки, за долгие годы намотавшие десятки и сотни километров слежки, приобретают так называемый «липкий взгляд»: «приклеившись» к клиенту, они уже не отпускают его ни на секунду. Если бы ко мне «прилип» такой взгляд, я бы почувствовал.

Домой я добрался без происшествий. Вера была уже собрана, сидела на чемоданах и ждала меня. Василёк, обычно непоседливый и шумливый, сегодня был не в меру серьёзен. Общее волнение, похоже, передалось и ему. Он терпеливо ждал моего возвращения возле собственного чемоданчика, в который упаковал любимые игрушки.

На вокзал я отвёз их на Вериной машине.

– Вещи тёплые взяла? – спросил я на ходу, прокладывая путь сквозь толпы пассажиров. – Морозы сильные обещают.

– Взяла, Ванюша, взяла, не беспокойся. Не без понятия всё ж, знаю, куда еду.

Я посадил их в вагон.

– Ну всё, дорогие мои, берегите себя. Привет Дмитрию и Лиде передавайте, самый горячий. А тебе, Васёк, видишь, как повезло: каникулы-то твои продолжаются. Пельменей сибирских налопаешься от пуза, на лыжах находишься по тайге. Эх, мне бы сейчас с вами!..

– Пап, а ты к нам потом приедешь?

– Вот как дела закончу, так сразу.

– Нет, серьёзно, – сказала Вера, – приезжай. Если удастся расквитаться пораньше.

– Хотелось бы верить, – пробормотал я. Потом улыбнулся, крепко обнял их обоих. – Я буду очень стараться. В любом случае, ждите от меня вестей.

Вагон дёрнулся и начал медленно набирать скорость. Когда наконец хвост его исчез за поворотом, я одновременно ощутил два противоречивых чувства: тоски и свободы. Тоски от разлуки с близкими и свободы от того, что теперь у меня развязаны руки для решительных действий – если они потребуются, конечно. Степень моей уязвимости сократилась до бесконечно малой величины.

Покинув вокзал, я заскочил на почту и отбил телеграмму Дмитрию: мол, встречай родственников. Поезд такой-то, вагон такой-то.

Позвонил Киселёву на мобильник. Он извинился и сказал, что дома будет только после шести вечера. Обещал перезвонить.

Я почему-то занервничал. Интересно, как там моя папка?

Поехал домой. Хотя понимал, что там меня уже могут ждать. Но мне сейчас больше некуда было идти. И я пошёл на риск. В конце концов, папки у меня с собой не было, а без папки я для них неинтересен.

6.

На столе лежали два мобильных телефона – мой собственный и тот, что я нашёл в камере хранения. Между ними – пепельница и пачка «Марльборо-Лайт».

Я сидел в своей квартире, курил одну сигарету за другой и ждал звонка. Вернее, двух звонков, по обоим телефонам: по одному – от тех парней, которым я должен передать папку, по второму – от Олега Киселёва. Вопрос заключался только в одном: кто позвонит первым. Я даже своеобразное соревнование между мобильниками устроил: побеждает тот, кто позвонит раньше.

Смутная тревога не покидала меня. Наверное, мне не следовало сидеть здесь, в этой квартире. Но что-то меня удерживало. Я ждал.

Победу одержал «Сименс». Они! Сердце бухнуло в груди и, получив изрядную долю адреналина, погнало его в кровь.

Я вышел на связь.

– Да. – Это было единственное слово, которое я произнёс в этом разговоре. Всё остальное говорили они. Передав подробные инструкции, на том конце дали отбой.

А я всё сидел, прижав трубку к уху, и думал: какие же всё-таки подлянки порой подбрасывает нам жизнь! Не ждёшь, не гадаешь, а она тебе – бац! Да всё по башке норовит, да побольнее...

Инструкции, которые я получил, были для меня полной неожиданностью.

Я взглянул на часы. Семь часов вечера. Пора бы и Киселёву объявиться. Мне сейчас как никогда нужен был его совет. А пока я принялся за сборы. Достал дорожную сумку, покидал в неё смену белья, пару свитеров, тёплые носки (обещали сильные холода), фотоаппарат и кучу всякой походной мелочи. Посчитал наличность – восемь тысяч. Сунул в карман. Взял с собой кредитку «Внешторгбанка», там у меня были кое-какие сбережения. Пригодится, мало ли что. Всё как-то спокойней, когда карман греет кругленькая сумма.

Всё, сборы закончены. Надо уходить, здесь оставаться стало слишком опасно. Поеду к Киселёву без предупреждения.

Но я не успел. В двадцать минут восьмого раздался звонок в дверь. Я вскочил.

Неужели за мной? Вернее, за папкой? Я быстренько прикинул в голове свои активы. Так, жены с сыном нет – это раз. Папки тоже нет – это два. Два козыря, которые я могу разыграть. Во-первых, им нечем будет меня прижать (степень уязвимости близка к нулю). Во-вторых, им нужна папка, а не я. А это значит, что убивать они меня сейчас не будут. Если только из личной неприязни. Хотя тоже вряд ли: ни я их, ни они меня никогда не видели.

При любом раскладе, дверь лучше открыть. А не то, не дай Бог, вынесут. У них это запросто: удар ногой – и дверь летит в коридор.

Прежде чем открыть, я отключил все звуковые сигналы на мобильниках (не хватало ещё, чтобы Олег в этот момент позвонил и тем самым себя засветил!), потом взял себя в руки и шагнул к входной двери.

На пороге стоял плотный коренастый человек в длинном пальто и шляпе, надвинутой на глаза. Один, больше никого. Признаков враждебности не проявляет, держится свободно, непринуждённо. Лицо скрыто в тени, виден один только силуэт.

Человек поднял руку в знак приветствия, коснувшись пальцами поля шляпы, и шагнул в квартиру. Я невольно сделал шаг назад.

– Разрешите войти?

Показалось? Или я действительно слышал этот голос раньше?

Он сделал ещё шаг. Свет упал на его лицо.

– Ну здравствуй, фотограф, – широко улыбнулся он. – Не ожидал?

Не ожидал – это мало сказано. Даже в самой кошмарной своей фантазии я бы не мог себе такого представить. Да, это был он, полковник Пастухов, собственной персоной. Вернее, бывший полковник.

Человек, которого я хотел убить десять лет назад, но не успел: подорвался на чеченской мине и попал в госпиталь.

Человек, который полгода назад пытался уже убить меня, но вместо этого угодил в лапы ФСБ.

А сейчас он на свободе, и это тревожит меня более всего. За какие такие заслуги он преспокойно расхаживает по Москве? Да ещё набрался наглости завалить прямо ко мне!

Он особенно не церемонился и уже топал по ковровой дорожке напрямиком в мою комнату. Я машинально следовал за ним, не зная, как мне поступить дальше. А он уже по-хозяйски развалился в моём кресле, сдвинул шляпу на затылок, ослабил узел галстука.

– Уф, душно! На улице прямо-таки весна.

Я наконец обрёл дар речи.

– Какого чёрта, полковник? Или кто ты там сейчас?

– Послушайте, господин Рукавицын. Давайте забудем прошлое и начнём строить наши отношения с чистого листа. Я к вам по делу.

– Забыть прошлое? Это ты, убийца, предлагаешь мне?! Забыть ту девочку?

– Остуди свой пыл, фотограф. Да, я подлец, мерзавец, негодяй – называй меня как хочешь. Но это всё в прошлом, теперь я другой. Человек ведь может исправиться, не так ли?

– Тебе это не грозит, Пастухов. Такие, как ты, неисправимы.

– Ладно, хватит лирики, Рукавицын. Я уже сказал, что пришёл по делу. И лучше будет, если мы это дело решим полюбовно.

Я усмехнулся.

– Угроза? Что ж, другого я и не ожидал.

– Это не угроза, фотограф, это здравый смысл. Ты отдаёшь мне папку, я тихо исчезаю, и мы всё это забываем, как страшный сон. Как будто ничего и не было.

– Откуда тебе известно про папку?

– Я работаю на Контору.

Опа-на! А ведь всё может быть, чёрт побери! Если это так, тогда многое объясняется. Во-первых, то, что он на свободе. За те преступления, что он совершил, ему не меньше пятнашки светило. Во-вторых, его информированность. О папке могли знать только в ФСБ, да ещё те бандиты, что подстрелили Куценко. А может, он бандит? Да нет, вряд ли. Скорее всего, он говорит правду. Может быть, и не всю правду, но то, что Контора ему «крышует», вполне могло быть реальностью.

Я решил его слегка подразнить, а заодно и прощупать.

– С каких это пор в ФСБ стали таких отморозков брать?

Я знал: и не таких берут. Агентурная сеть сплошь и рядом вербовалась из преступного элемента.

– Там умеют ценить настоящих профессионалов, – с вызовом ответил он. – Такие спецы, как я, на дороге не валяются. Хватит, Рукавицын, отдай папку, и я уйду.

В этот момент в кармане у меня завибрировал мобильник. Мой мобильник. Держу пари, это Киселёв. Но Пастухову об этом знать не следует. Поэтому я незаметно сунул руку в карман брюк и на ощупь отменил вызов. Чуть позже я сам с ним свяжусь. Если, конечно, удастся выпроводить полковника.

– Я жду, фотограф. Не вынуждай меня применять силу.

– У меня нет никакой папки.

Пастухов выдержал паузу, потом поднялся и вплотную приблизился ко мне.

– Вот что, Руковицын, давай начистоту. Мне нужна эта папка, и я её получу, хочешь ты этого или нет.

– Повторяю, у меня её нет. Я отдал её на хранение в надёжные руки. Я ведь знал, что рано или поздно за ней придут.

Он больше не улыбался. Внимательно посмотрел мне в глаза, поиграл желваками, потом в раздумье прошёлся по комнате.

– Вечно, Рукавицын, ты создаёшь мне проблемы. – Он выругался. – Ну и где же она?

– Я же сказал: в надёжных руках.

– Адрес! Адрес говори, где эти руки найти можно. И при случае оторвать.

Я не успел ответить: в прихожей мелькнула чья-то тень. А ведь дверь-то входную я не закрыл!

– Тук-тук-тук! Дома есть кто?

Олег! Не дождавшись ответа на свой звонок, решил заявиться сам, прямо к волку в пасть. А, может, заподозрил что, когда я на звонок не ответил.

– Олег! – крикнул я. – Уходи отсюда! Здесь засада!

Но было уже слишком поздно: Олег Киселёв уже входил в комнату. Под мышкой у него была зажата красная папка.

– Что тут у вас происходит?

7.

Пастухов среагировал мгновенно: отпрыгнул в угол комнаты – так, чтобы держать нас обоих в поле зрения, и вынул пистолет.

– А вот и папка!.. Не дёргайтесь, господа, не то дыр в вас понаделаю. – Мы с Олегом замерли посреди комнаты и следили за перемещениями этого ублюдка одними только глазами. А он тем временем обошёл нас по дуге и стал спиной к двери: отрезал нам путь к бегству. – Что, фотограф, не удалось меня обыграть? То-то. Папку на стол, и я вас покину, господа. Ну, живо!

– Это что за кретин, лейтенант? – Олег полуобернулся ко мне.

– Самый большой мерзавец, какого я когда-либо встречал. Если бы ты меня тогда не остановил, я бы пристрелил его ещё в девяносто пятом.

– Аргун?

Я кивнул.

– Вижу, ты вспомнил, сержант.

– Такое не забудешь. Думаешь, лейтенант, у меня тогда руки не чесались? Вот только под трибунал из-за этой мрази попадать не хотелось.

– Зря ты меня тогда остановил. Многие жизни спасти бы удалось.

– Свою бы загубил.

Тогда, в далёком уже девяносто пятом, майор российской армии Пастухов продал маленькую русскую девочку чеченским боевикам за ящик палёной водки. Те её страшно изнасиловали и бросили в багажник своего джипа. Мы нагнали их уже в пути и расстреляли при попытке к сопротивлению. Девочку я отвёз в Ханкалу. Больше я её не видел и о судьбе несчастной ничего не знаю. Пытался её потом найти, но безуспешно. Даже имени, увы, не узнал. В ушах до сих пор стоит её тоненький-тоненький голосок: «Дядя! Дяденька! Не отдавай меня больше никому!» Я пообещал – и не сдержал слова. С тех пор места себе не нахожу.

– Хватит! – рывкнул Пастухов. – Папку, и поживее!

Олег небрежно бросил папку на стол.

– Доволен?

– Что ты делаешь? – зашипел я на него.

– Спокойно, лейтенант, – шепнул Киселёв, – я знаю, что делаю.

Пастухов кинулся к столу, раскрыл папку. Папка была пуста.

– Что это значит? – заорал он, брызжа слюной. – Играть со мною вздумали, уроды?! Где содержимое?

Олег усмехнулся.

– А вот теперь поговорим. Пастухов, кажется? Так вот, Пастухов. Первым делом, спрячь свою пушку. Отлично. А теперь давайте сядем за стол переговоров и поговорим по-деловому.

Мы с Олегом расположились за столом, Пастухов, чуть помедля, последовал нашему примеру. Шаг за шагом он уступал инициативу Киселёву.

– Ну? – мрачно промышчал он.

– Баранки гну, – отозвался Олег Киселёв довольно грубо. – Это что за тон, Пастух? Хочешь, чтобы всё было тип-топ, води себя прилично. А то не увидишь папки, как своих ушей. А будешь дёргаться, то и ушей не увидишь, даже в зеркале. Потому как нечем будет смотреть. – С этими словами он положил на стол пистолет. – Усвоил?

Пастухов яростно завращал глазами, но предпочёл не отвечать. Понял, мерзавец, что связался с крутыми парнями. А Олег-то не так прост!

– Тебя содержимое интересует? Не парься, Пастух, оно со мной. – Олег вынул из-за пазухи стопку бумаг и бросил на стол. – Вот оно.

Пастухов дёрнулся и подался вперёд.

– Сидеть! – отрезал Олег. – Я успею всадить тебе пулю в лоб прежде, чем ты протянешь руку к этим документам. Понял? Не слышу!

– Понял, – сдался Пастухов.

– То-то. А теперь о деле. Зачем тебе эта папка, Пастух?

– Он утверждает, что работает на Контору, – вставил я.

На какое-то мгновение Олег изменился в лице, но потом к нему вернулась прежняя уверенность.

– Мне плевать, на кого он там работает. Я не услышал ответа, Пастух. Зачем тебе папка?

Пастухов откинулся на спинку стула. Нагловатая манера держать себя, похоже, возвращалась к нему.

– Вы, ребята, возможно, не в теме. Эта папочка не на один лимон баков тянет. Усваиваете?

– Ну и?..

– Предлагаю продать, а бабки пополам. Мне половина, и вам соответственно.

– Покупатель? – по-деловому поинтересовался Олег.

– Моя забота. Уверю вас, господа, на эту папочку покупателей найдётся немало, и у нас, и за рубежом. За рубежом особенно. А выйти на них легче лёгкого: любая правозащитная организация, узнав, в чём дело, тут же выведет тебя на своих спонсоров, за которыми, как правило, стоит та или иная западная спецслужба. А уж они-то бабла не пожалеют за такой материалчик, будьте уверены.

Голос у Пастухова дрожал от возбуждения, глаза блестели, руки, которые он держал на столе, подрагивали. Похоже, сейчас он не играл.

– Кто тебе слил эту информацию? Откуда тебе известно о содержимом папки? – спросил Олег.

– Повторяю, я работаю на Контору.

– А Контора знает о твоём визите?

Вопрос не в бровь, а в глаз. По крайней мере, пыл Пастухова он остудил в один миг.

– Я действую как частное лицо, – заявил он чуть слышно.

– Значит, не знает, – кивнул Олег. – А если узнает, а? О том, как ты государственными секретами торговать собрался?

– Господа, не надо на меня давить. Когда меня прижимают к стенке, я становлюсь опасным. Это предупреждение, господа. Тем не менее, если вас не устраивает моё предложение, готов услышать ваши условия.

– Десять процентов тебе, по сорок пять – нам, – тут же отреагировал Киселёв.

Лицо Пастухова вытянулось.

– Да ты... молокосос! – вскипел он. – Да... я вас...

Олег остановил его жестом руки.

– Так, стоп. Во-первых, нас двое, а ты один. Сила на нашей стороне. Пушку со стола я сорву быстрее, чем ты успеешь моргнуть, – я этому обучен. Во-вторых, папка у нас. – Как бы в подтверждение своих слов, он взял со стола содержимое папки, вложил её в красную пластиковую оболочку и передал мне. – А твоё участие в этом деле, Пастух, не более, чем проявление альтруизма с нашей стороны, желание, так сказать, обеспечить твою убогую старость. Я ведь могу тебя запросто пристрелить, и делиться с тобой тогда уже не придётся. Наш куш в этом случае возрастёт на пару-тройку сотен баксов. Согласись, не так уж и мало.

– Так пристрели, и дело с концом, – устало произнёс Пастух.

Кажется, сломался. Или это только игра?

– Я не убийца. А твоё участие в доле нам нужно только для одного – чтобы ты нам не мешал. Покупателя мы найдём без тебя. Твоё дело – сидеть и ждать.

– Гарантии, что не кинете меня?

Олег в упор посмотрел на Пастухова.

– Слово двух русских солдат.

– Олег, на пару слов. – шепнул я. – Отойдём.

Киселёв взял со стола пистолет и, держа Пастухова на мушке, отошёл со мной в угол комнаты.

– Сиди и не дёргайся, – предупредил он его.

– Ты что творишь, сержант? – накинулся я на Олега. – Это что ещё за торг ты здесь устроил? Ты что, ещё не понял: папка не продаётся.

– Доверься мне, лейтенант. На другом языке с ним говорить бесполезно, не поймёт. А папку твою продавать я не собираюсь, это только игра.

Он лишь на секунду выпустил Пастухова из поля зрения, но этой секунды тому хватило, чтобы выхватить пистолет.

– Не двигаться! – рявкнул он, держа нас на мушке. – Оружие на пол! Я кому сказал! Ну, живо!

Олег разжал ладонь, и пистолет со стуком грохнулся на паркет.

– Так, теперь папку! На стол! – отдавал команды Пастухов. – Быстро, быстро!

У меня не было выбора. Я швырнул папку на стол. Пастухов тут же схватил её. Теперь он не скрывал своего торжества.

– Обеспечить мою старость решили, господа альтруисты? – глумился он над нами. – Увы, не стану обещать вам того же – состариться вам уже не придётся. – Он говорил и пятился назад, к выходу. – Оставлю вас здесь одних, остывать. Слышь, фотограф? Надеюсь, ты не в обиде. Игра есть игра, и в этой игре победителем вышел я. Ничего личного, понимаешь? Бизнес есть бизнес.

– Контора тебя найдёт, – процедил сквозь зубы Олег.

– За такие бабки, – Пастухов потряс папкой в воздухе, – я сумею обеспечить свою безопасность. И старость, кстати. Всё, господа, молитесь своим богам. Я вынужден проститься.

Он поднял пистолет и прицелился. В меня.

Всё, конец. Как глупо! Я невольно зажмурился.

Вместо выстрела я услышал какой-то шум, похожий на удар, потом звук падающего тела. Я открыл глаза.

Пастухов неподвижно лежал на полу, а над ним стоял Александр Куликов, странный знакомый Олега Киселёва.

8.

– Хорошо сработал, Сашок, – одобрил Олег, поднимая с пола свой пистолет. – Ты вовремя.

Подошёл к телу Пастухова, ткнул его носком ботинка.

– Надеюсь, жив? – Он вопросительно посмотрел на него. Тот ухмыльнулся: мол, живее всех живых. Олег кивнул, подобрал с пола папку и подал её мне. – Держи, лейтенант, свою ценность. Можешь не проверять, там всё на месте.

Я взял папку, повертел в руках, не зная, куда её сунуть. Потом бросил на стол.

– Спасибо, сержант. Тебе и твоему другу. Крепко выручили вы меня.

– Да ладно тебе, лейтенант, всё нормально. А сейчас уходить надо. За твоей хатой наверняка уже слежка ведётся, так что выбираться будем красиво, с помпой. Есть у меня одна мыслишка. Отсюда на моей тачке пойдём – она не засвечена. Инструкции по папке уже получил?

Я кивнул.

– Получил. В ячейке камеры хранения мобильник нашёл, вот этот. На него они и звонили, час назад.

– Старый трюк. Зато наверняка, – оценил идею с мобильным телефоном Олег. – Уходим, лейтенант. Пока этот козёл не прочухался. У тебя, случаем, второго выхода из подъезда нет?

Я развёл руками.

– Жаль. А то бы вообще без проблем ушли, по-тихому. Ладно, пойдём в лобовую. Где наша не пропадала, а, лейтенант?

С самого его появления в моей квартире он полностью взял инициативу в свои руки. За что я ему был весьма благодарен – без его помощи мне бы туго пришлось.

– Минутная готовность, лейтенант.

– Я готов, – сказал я и кивнул на собранную дорожную сумку.

– Так, хорошо. Мы с Сашком берём это дерьмо, – Олег указал на Пастухова, который до сих пор не пришёл в себя, – и сволакиваем его вниз, а ты запирай квартиру и догоняй нас. Место встречи – на первом этаже. Папку не забудь.

Я кивнул. Сунул папку в свою сумку.

На пару они легко подхватили грузное тело Пастухова и вытащили на лестничную клетку. Я в последний раз осмотрел квартиру, предчувствуя, что появлюсь здесь не скоро, погасил везде свет и вышел вслед за Олегом. Если Олег прав и меня действительно пасёт «наружка», она наверняка среагирует на погасший свет. Но я надеялся на предприимчивость Киселёва и его товарища: Олег обещал что-нибудь придумать. Минут через пять я спустился вниз. У выхода из подъезда меня уже ждали мои друзья. Здесь же, в углу, валялся Пастухов.

– Так, лейтенант, поступаем следующим образом, – услышал я в темноте торопливый шёпот своего верного сержанта. – Пока этот мешок с дерьмом не очухался. Мы с Сашком имитируем двух алкашей в хорошем подпитии, с шумом вываливаемся из подъезда, отходим метров за тридцать и устраиваем лёгкую потасовку. С криком, с матом, всё как положено. Мол, не поделили что-то два кореша, пузырь, скажем. А ты тем временем выскальзываешь из парадняка и незаметно под окнами просачиваешься на угол дома. Там мы тебя и подберём. О'кей, лейтенант?

– О'кей, сержант.

– Сашок, тебе всё понятно?

Наверное, Сашок каким-то образом дал Олегу понять, что задача ему ясна. Я, по крайней мере, этого не видел.

А потом всё произошло так, как запланировал Киселёв. Вразвалку, с матюками, они вывалились из подъезда и, шатаясь, как заправские пьяницы, двинулись прочь. Шуму было

много. Правда, шумел один только Олег, зато его с лихвой хватило на двоих. Отойдя на приличное расстояние, затеяли свару. Со стороны могло показаться, что эти двое дерутся по настоящему, настолько естественно они играли. Я бы даже сказал, профессионально.

Всё, пора. Если за подъездом действительно ведётся наблюдение, в этот самый момент их внимание отвлечено потасовкой двух алкашей. Пусть на пять, от силы на десять секунд, но этого времени достаточно, чтобы незаметно уйти.

Я осторожно приоткрыл дверь подъезда (лишь бы не скрипнула!), и, согнувшись чуть ли не пополам, юркнул прочь. Словно мышь, заскользил под окнами. Меня спасало ещё то, что уличный фонарь, стоявший поодаль, ярко освещал пространство в радиусе не более десяти метров вокруг себя, а всё за пределами этого радиуса было погружено в глубокую тень. Кроме того, яркий свет фонаря слепил возможных наблюдателей: сужая диаметр глазного зрачка, он заметно снижал способность видеть в темноте. Отсутствие снега тоже было мне на руку.

Я благополучно вышел на заданную позицию, присел за кустом и замер. Вроде всё тихо. Минут через пятнадцать напротив моего укрытия остановился автомобиль. Из него наполовину высунулся человек и махнул рукой. Олег!

– Быстрее! – услышал я его приглушённый шёпот.

За долю секунды я покрыл расстояние до машины, нырнул в приоткрытую дверцу и плюхнулся рядом с водителем. За рулём сидел Олег, Сашок занимал всё заднее сидение.

– Ну, тронулись, – скомандовал сам себе Киселёв.

– Куда едем?

– Куда скажешь, лейтенант. Теперь ты командуешь парадом. Мы с Сашком своё дело сделали.

– На Павелецкий.

– А потом?

– В Саратов. Согласно полученной инструкции.

– Я так и думал, что это произойдёт не в Москве.

На вокзале мы первым делом узнали расписание поездов. До отхода поезда на Саратов было ещё два часа.

– Ну всё, Олег Киселёв, дальше я сам. Ещё раз спасибо тебе за помощь, тебе и твоему другу.

Я крепко стиснул его руку. Однако Олег не спешил её разжимать.

– Погоди, лейтенант. Давай потолкуем. Время ещё есть. Прогуляемся, не против? Сашка, подожди нас здесь, мы скоро.

Мы вышли на привокзальную площадь. Я только сейчас заметил, что заметно подморозило. Похоже, синоптики не соврали: грядут сильные морозы. Хорошо, что я взял с собой тёплую одежду.

– Слушай, лейтенант, – приступил Олег, – не хочу быть навязчивым, но я собираюсь ехать с тобой.

Я остановился.

– Со мной?

– С тобой. – Он выдержал паузу. – Понимаешь, всё это очень серьёзно. И опасно. На карту поставлено слишком многое – речь идёт об интересах государства. Кроме того, папка стоит большую кучу денег, а это значит, что за тобой будет организована настоящая охота. Судя по твоему сегодняшнему визитёру, охотников заполучить её уже сейчас хоть отбавляй. Не удивлюсь, если о ней уже пронюхали зарубежные спецслужбы. Крыс везде хватает.

«Крысы, крысы кругом! Берегись крыс!» – вспомнились мне вдруг последние слова майора Куценко. Меня поразило, насколько эти слова были созвучны сказанному только что Олегом Киселёвым.

– Я ознакомился с содержимым папки, – продолжал Олег, глядя мне прямо в глаза, – и принял решение. Я еду с тобой, лейтенант.

Я с сомнением покачал головой.

– Это мой долг. У меня нет выбора, я дал слово. А тебе-то это зачем, сержант?

– В отличие от тебя, лейтенант, у меня был выбор. И я его сделал. В конце концов, теперь это и мой долг. А если честно, то просто не хочу оставлять тебя один на один с бандой головорезов. Я ведь не забыл девяносто пятый, лейтенант. И ты помнишь, я знаю. Неужели ты думаешь, что после всего, что мы пережили вместе в этой грёбаной Чечне, я смогу оставить тебя одного? Плохо же ты меня знаешь, лейтенант!

Почему-то его слова меня сильно взволновали. Чтобы скрыть нахлынувшие чувства, я достал пачку сигарет и закурил. Предложил Олегу – он взял.

– Я сейчас на вольных хлебах, лейтенант, ничто меня с прошлым не связывает. Ни с прошлым, ни с настоящим. Один я в этом мире, понимаешь. Ни жены, ни детей – никого. Деньжат подзаработать успел, да тратить так и не научился. Не так воспитан, наверное. Ты меня пойми, лейтенант, хочется настоящего дела, чтоб польза от этого была. А то ведь, не ровен час, сопьюсь. Другого-то я ничего не умею – только убивать и водку пить. Война другому не учит, будь она проклята. Да ты и сам это знаешь.

– Знаю, сержант. Принимаю тебя в свою команду.

Мы крепко обнялись.

– Давай свой паспорт, лейтенант. Я за билетами, до Саратова. На троих.

– На троих?

– Сашок едет с нами. Я без него никуда. А он – без меня. Ты не пожалеешь, лейтенант, это не парень, а клад.

Я махнул рукой.

– На троих так на троих.

На душе было легко и спокойно. Я был не один, нас была целая команда.

9.

Мы заняли целое купе. Олег приплатил проводнику, чтобы к нам больше никого не подсаживали. Александр тут же запрыгнул на верхнюю полку и завалился спать. Вскоре сверху послышалось мирное посапывание.

А мы с Олегом расположились внизу, за столиком. Запасливый сержант извлёк из сумки, которую предусмотрительно прихватил с собой из дома (знал ведь, подлец, что удастся меня уломать!), целую гору подходящих случаю продуктов: соленья, колбасу, варёную картошку, чёрный хлеб, а венчала всю эту царскую снедь бутылка «Завидовской охоты». Где уж он её откопал, не знаю – спиртзавод в Лотошино, где разливали эту лучшую в России водку, уже пару лет как обанкротился.

Олег вскрыл пузырь, налил по стопарику.

– Ну, будем. За успех нашего предприятия.

– За то, чтобы вернуться домой живыми, – поддержал я.

– Да уж неплохо было бы.

Мы выпили, от души закусили. Только сейчас я понял, насколько проголодался.

– Странный парень, – указал я кивком на верхнюю полку. – Где всё-таки ты его откопал?

Дохрумкав солёный огурчик (под хорошую водочку да ядрёный огурчик – никаких фазанов с трюфелями не надо!), Олег поведал мне такую историю.

– Нашёл я его на вокзале. Это было примерно с полгода назад. Парень был в плачевном состоянии, натуральный бомж. Оборванный, грязный, голодный. Сидит, неприкаянный, отрешённый, на полу, где-то в углу большого зала и раскачивается, словно китайский болванчик. Люди мимо него снуют, чуть не перешагивают, а он ничего не замечает. Таких бомжей на вокзалах хоть пруд пруди, но этот меня чем-то зацепил. Может быть, тем, что ни у кого ничего не просил, подавание не кланчил, как другие. Накормил я его от пуза, денег дал, он за мной и увязался. Идёт поодаль, дистанцию держит. Делать нечего, притащил его домой, благо, один живу. Жена-то от меня, как с первой войны вернулся, ушла. Всё вывезла, стерва, даже мебель. Ну да Бог ей судья. Отмыл я пацана, одел во всё чистое. И оставил. Нехай, думаю, живёт, вдвоём как-то даже веселей. Но парень со странностями оказался. Во-первых, немой, хотя и слышит всё. Во-вторых, какой-то, как бы это сказать... неадекватный, что ли. Держится странно, движения угловатые, словно ломает его всего. Может, думаю, с психикой проблемы? Знаешь, обычно они себя так ведут, психи которые. Потом присмотрелся, пообщался, гляжу – нет, с головой у парня всё тип-топ. Но, чувствую, давит его что-то, крепко давит. Согнула его жизнь, шибанула, а выпрямиться сам не может, силёнок не хватает. Молодой совсем ещё пацан, зелёный, закалки жизненной нет.

Нашли способ общения. Я говорю, а он в ответ записки пишет. Вот и поведал он мне таким образом о своих злоключениях.

Олег налил ещё стопарик и в одиночку выпил. Волнуется, парень. Видно, прикипел он к Сашку всей душой.

– Извини, лейтенант, что тебе не налил, – спохватился он. – В горле что-то запершило. Так вот, прочитал я его поэму. Потом ещё раз. Ты знаешь, лейтенант, такого в книжках не пишут. История жуткая. Да суди сам. – Он выдержал небольшую паузу. – В две тысячи третьем парень попал в Чечню, на срочную. Служил в спецназе, где-то под Грозным. Прошёл хорошую подготовку, владеет навыками рукопашного боя, да и силёнкой Бог не обидел. Рядом с их расположением блокпост был оборудован, там «вэвэшники» стояли. На День артиллериста пригласили они к себе наших орлов, праздник как следует отметить. Водки где-то палёной надыбали, бочонок местного коньяка прикатали, да и наши армейские не с пустыми руками пришли. Словом, гульнули по полной программе, перепились все вусмерть. Потом поцапа-

лись по какой-то мелочи, слово за слово, до драки дело дошло. Бились крепко, хорошо хоть не перестреляли друг друга. Наш тоже махался будь здоров, марку армейского спецназа держал. А потом провал. Говорили после, кто-то металлической трубой ему по затылку приложил, со всего маху. Парень с катушек. Двое суток в подвале каком-то провалялся, потом те же «вованы» его и нашли. Думали, помер, перетрусили страшно. Но парень живучим оказался, как выжил, одному Богу известно, другой бы на его месте давно коньки отбросил. Переправили в медсанчасть, там врач местный, как глянул, говорят, на нашего Сашка, так целый час трёхэтажным матом крыл всех и вся. Врач-то толковый оказался, на войне не первый день, всякого навидался, но такого бардака... Словом, подлатал малость нашего бедолагу и лично в Ханкалу отвёз. Там Сашок на глаза представителю комитета солдатских матерей попался. Женщина боевой оказалась, добилась от руководства, чтобы первым же бортом в Моздок отправили. Сама же его и сопровождала. У самой сын, рассказывала, в плену чеченском сгинул, ищет теперь вот по всей грёбаной Ичкерии. В Моздоке в госпиталь поместила. А черед два месяца Сашка нашего выпихнули на улицу, с диагнозом «шизофрения». Ни документов, ни денег, не приличной одежды – ничего, одна только справка с заключением врача. Иди куда хочешь. Хорошо хоть, подлечили его немного, на своих ногах передвигаться мог, хоть и с трудом. Какие-то двигательные центры оказались у него задеты, а тут ещё и речь отнялась, изъясняться толком не может. Все на него как на юродивого смотрят, стороной обходят, никому дела до него нет. Как на бойню посылать, так они первые, а как парня сломали, так морды воротят. Уроды!.. И побрёл наш Сашка сам не зная куда, прочь из города. Видно, в тот момент плохо ещё соображал, что с ним происходит, всё как в тумане для него было – и перед глазами туман, и в башке туман. Сколько он так шёл, не помнит. Может, сутки, а может, и трое. Машины мимо него по шоссе снуют, но ни одна тварь не останавливается. И знаешь, кто его в конце концов подобрал? Духи на «волжанке», из местных, причём духи реальные. Отвезли в Пятигорск, билет до Москвы купили, на поезд посадили, денег на дорогу дали – и отправили. Вот тебе и духи. Свои пинка под зад дали, а эти, кого мы врагами считаем, людьми оказались, помогли. Жизнь всё-таки чертовски сложная штука, лейтенант. Давай, что ль, дёрнем ещё по одной?

Я молча разлил. Мы выпили.

– Вот так он до первопрестольной и добрался. Здоровье уже здесь, в Москве, восстановил, почти полностью. Сам, без всяких там докторов. А спасли его молодость, уникальная живучесть, большой запас жизненных сил и могучий организм. Немота вот только не прошла, да двигается он несколько странно, зато силы былые вернулись, качества бойцовские, профессиональные навыки. Да и с головой у него всё в норме, можешь мне поверить. Если бы мне позволили вынести врачебный вердикт, я бы сказал только одно: адекватен. Проблема в другом: если его найдут, за дезертира запросто сочтут – ведь документы его в части остались, никто его со службы не отпускал. До сих пор, небось, в «сочах» значится, а это, согласись, трибунал. Вот потому и держу его на полуполюгальном положении, от греха подальше. И знаешь что ещё. – Он понизил голос. – После того удара по голове что-то там у него в мозгах включилось, что у обычного человека выключено: он стал чувствовать приближение опасности. Ведь давно уже известно, что травма головы может пробудить в человеке экстрасенсорные способности. Здесь как раз тот случай. Вот он сейчас спит без задних ног, – Олег кивнул на верхнюю полку, где безмятежно похрапывал Сашок, – но стоит только замаячить какой-либо опасности, неважно какой, он тут же будет на ногах, уж извини за каламбур. Так что можешь, лейтенант, расслабиться: пока Сашок спит, нам ничего не грозит. Такой вот парадокс.

– Жаль парня, – искренне посочувствовал я.

История, рассказанная Олегом Киселёвым, оказала на меня угнетающее действие. А ведь это только одна история из тысяч подобных. Хотелось как-то развеяться. Я достал пару сигарет.

– Пойдём, что ли, покурим? – предложил я. – В тамбур.

Олег кивнул. Я вынул из сумки красную папку и сунул её за пояс, прикрыв сверху свитером. Теперь можно и на перекур.

Было около полуночи, немногочисленные пассажиры давно рассредоточились по своим купе и видели уже седьмые сны. Одни мы, как лунатики, толкались в тесном прокуренном тамбуре. Выкурили по сигарете, потом ещё по одной. Мысли переключились на события ушедшего дня.

– Одного я никак не могу понять, – сказал я, напрягая извилины, – как этот Пастухов пронюхал, что папка у меня? Откуда он вообще о папке узнал?

Олег пустил струю дыма из ноздрей и задумался.

– Не нравится мне его упоминание о ФСБ. Как бы это не оказалось правдой. Я имею в виду его причастность к Конторе. Если, как ты говоришь, он находился у них в разработке, то так запросто они бы его не выпустили.

– Думаешь, вербовка?

– Похоже на то. Прижали к стене, пригрозили хорошим сроком, потом предложили работу. Чёрную, в грязи копать. Стандартный алгоритм.

Я кивнул.

– Была у меня такая мысль.

– Да и о папке он мог узнать только там.

– Или от тех, кто преследовал нас с майором Купенко, – заметил я.

– Логично. Тогда возникает вопрос: кто эти люди? кто за ними стоит? на кого работают? Уж слишком хорошо они осведомлены. А потому опасны. И если уж за твоей хатой кто и установил наблюдение, то только они. Больше никому.

– Согласен. За сутки они вполне могли обнаружить мою брошенную машину и определить владельца, даже если та и без номеров. По заводскому номеру на двигателе, или ещё как, не знаю. Но это реально.

– Вполне, – согласился Олег, но тут же сам себе возразил. – Однако слежка – это не их стиль. Обычно бандиты прут напролом, берут силой, грубо, нахрапом. Если бы они были уверены, что папка у тебя в квартире, церемониться бы не стали. Вломились бы и взяли то, что им нужно. И оставили бы только труп остывать. Твой, лейтенант.

– Значит, уверены не были.

– Возможно. Сочли, что папку ты где-то припрятал, по крайней мере, допускали такую вероятность. Всё может быть, лейтенант. Можно было бы, конечно, устроить тебе пятую степень устрашения и вытрясти из тебя всю душу, а заодно и информацию о папке, но как знать, расколешься ли ты под пытками. А им верняк нужен, сто процентов. Похоже, задача перед ними поставлена конкретная: добыть эту грёбаную папку во что бы то ни стало. Дождаться, когда ты на неё выведешь, и гарантированно её взять.

Я покачал головой.

– И всё-таки не вяжется что-то. Ты прав, это не их стиль. Прижали бы к стене и раскололи. Послушай, сержант, а может быть, зря мы себя накручиваем? Может быть, и не было никакой слежки? Может быть, насмотрелись мы с тобой американских боевиков, вот и лезет в голову всякая бредятина?

– Как знать. Только знаешь, лейтенант, вся эта дешёвая западная кинопродукция – лишь жалкая пародия на то, как работают настоящие профессионалы.

– Ты имеешь в виду Контору?

– Не только. Среди бандитов сейчас тоже много профи. Время нынче такое, профессиональный уровень преступности значительно вырос. Кроме того, среди них много выходцев из спецорганов.

– Ты-то откуда знаешь, сержант? Откуда такая осведомлённость?

– Знаю. – Киселёв выдержал значительную паузу, потом посмотрел мне прямо в глаза. – Я был в одной такой банде. Целых два года.

10.

– Выкладывай! – потребовал я.

– Может, в купе вернёмся, а? Я бы ещё стопарик пропустил.

– Хорошо, идём.

Мы вернулись в купе. Олег плеснул в стакан водки и выпил. Я отказался.

– Рассказывай, Киселёв. Как на духу. – Я был неумолим.

– Да тут и рассказывать-то особенно нечего, лейтенант. Я, как из Чечни вернулся, долго места себе найти не мог. А тут ещё жена ушла. Куда податься? Три года кое-как промаялся, подрабатывал по мелочи, на серьёзную работу никто брать не хотел. В милицию пытался устроиться – не взяли. Мол, у вас, у тех, кто на той войне был, крыша набекрень, того и гляди, палить из табельного оружия начнёте, направо и налево. Привыкли, мол, там у себя, и правого, и виноватого, без разбору... В охрану было сунулся, но в приличных местах те же отмазки. Нам, говорят, объекты охранять надо, а не кровавые разборки устраивать, вы же, говорят, ничего другого не умеете. И знаешь, лейтенант, правы они, тысячи раз правы. Убивать-то там нас научили, а вот что с этим на гражданке делать, никто не объяснил. Никому мы здесь не нужны. – Он махнул рукой. – Не ждёт нас здесь никто, понимаешь, лейтенант. Смотрят, как на марсиан. Там мы профи были, дело своё знали на «хорошо» и «отлично», по-другому ведь нельзя было, иначе не выживешь. Знали, что мы нужны. А здесь... Гражданскую специальность до службы я так и не приобрёл, не успел. Единственное, что я умею, это убивать. А это здесь никому не нужно, уж можешь мне поверить. На таких, как мы с тобой, на наши профессиональные навыки, наш опыт спрос только в одном месте – в криминале. Жить-то как-то надо, а тут ещё один мой знакомый предложил войти в одну такую группировку, обещал содействие – я и согласился. Так я стал бандитом. И таких, как я, знаешь сколько, по всей стране? Тысячи, десятки тысяч. Вот что страшно. Потерянное поколение. И никому до этого дела нет.

– Убивал?

– Убивал, лейтенант. На то и бандит, чтобы убивать. Но в простых смертных я не стрелял, здесь моя совесть чиста. Только в таких же, как я, бандитов, из конкурирующих группировок. Столкновение интересов, передел сфер влияния и тому подобная лабудень. Обычные бандитские разборки. Большой вины за это я за собой не вижу.

– Ну и как оно, в бандитах? – усмехнулся я.

Олег предпочёл не замечать моего тона. Пожал плечами.

– Да как и везде – бардак. Но знаешь, там всё-таки больше порядка, чем здесь, на поверхности. А кое-чему можно даже и поучиться. Интернационализму, например. Да-да, лейтенант, не смейся. Там неважно, кто ты, русский, чечен, грузин или таджик – все равны. Бок о бок на дело идут. И никакой там расовой или национальной неприязни. Вот что удивительно, лейтенант. И знаешь, к какому выводу я пришёл? Когда люди объединены одним общим делом, цвет кожи, акцент или разрез глаз уже не имеют значения.

– Выходит, банда – идеальный прообраз общества будущего, – заметил я не без иронии. – Ладно, сержант, не отвлекайся. Как из банды ушёл?

– Да очень просто. Был я в одной дальней поездке, далеко за Уралом, по заданию босса. Я у него на хорошем счету был, доверял он мне. Как-то раз жизнь ему спас, вытащил из-под пуль во время одной разборки с конкурентами. Он это оценил и приблизил к своей персоне. Прозвище у него было – Хирург. Он до первой ходки врачом работал в одной клинике, то ли в Пензе, то ли в Самаре, не помню. За одну неудачно проведённую операцию с летальным исходом срок получил. А как откинулся, так к прежнему занятию уже не вернулся: в бандиты подался. Из всего оружия признавал только скальпель. С ним и ходил всегда, даже на дело пушку не брал. С полдюжины скальпелей всегда при себе имел, управлялся ими всё равно что

твой нинзя. Приходилось мне как-то раз видеть его в деле – виртуоз высшего класса. Не хотел бы я его иметь своим противником, глазом моргнуть не успеешь, как лезвие в горло получишь... Так вот, отсутствовал я примерно около месяца. А в это самое время наши доблестные органы банду как раз и накрыли. Операцию какую-то крупную провели, потом об этом ещё во всех газетах писали. А я вроде как не при делах оказался. Считаю, под счастливой звездой родился, да повезло ещё, что никто из наших меня не сдал. Так я вернулся к мирной жизни. И знаешь, лейтенант, не жалею. В тягость мне это занятие стало, особенно в последнее время. Кровь чужая, на руках, на душе, жечь стала. Хотя и мерзавцев кровь, а всё равно к земле гнёт, ходить трудно, жить муторно. Я бы так и так из банды ушёл, рано или поздно. А тут случай такой вышел. – Он усмехнулся. – Да и куш немалый сорвать успел, денег подзаработать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.